

ПУСТЬ МОЛОДЕЖЬ ОБ ЭТОМ ПОМНИТ

РАССКАЗ

С. УДВАЛ

Монгольская писательница

Посвящается памяти Янжимы, видной общественной деятельницы МНР, жены и друга Сүхэ-Батора.

ВТО лето Ёндон, Цембэл и еще несколько аратов откочевали в Эрдэнэсант, что в хошуне¹ Зоригт-Ван. Хозяин хошуна, князь Цэрэн-бавай, был известен своей жестокостью. Чтобы иметь послушных слуг, он отбирал детей у своих подданных и с детства воспитывал в них покорность. «Если волка кормить с малых лет, то, может быть, будет польза», — так рассуждал он.

Это случилось в один из погожих летних дней. Ёндон и Цембэл занимались обычными делами по хозяйству. Стояла жара, войлочные стены юрт были снизу подвернуты, а матерчатые двери откинuty наверх. Дети шумно играли на траве. Лето — благодатная пора. Под теплым солнцем даже бедняки чувствуют себя счастливыми.

И вот в этот день в хошун приехал князь Цэрэн. Для простых аратов его приезды были опасны, как половецкие или степной пожар. На этот раз беда свалилась на Ёндона, Цембэла и их соседей. Шестерых детей взял у них князь себе в слуги.

Обычно князь жил в Урге² или в Пекине, в своем хошуне почти не бывал. Поэтому повидать своих

¹ Хошун — феодальный удел (княжество) в до-революционной Монголии.
² Урга — ныне Улан-Батор.

ребятишек было для родителей почти столь же невозможным делом, как днем видеть звезды.

Однажды мать Чимгэ, одной из девочек, взятых князем, услышала, что князь приехал в Ургу. Взяв с собой старшего сына, она отправилась в столицу. Через несколько дней, во время праздника Майдар³, выбрав момент, когда хозяев не было дома, она подошла к ограде. Во двор проникнуть было невозможно. Князь был человеком необщительным, праздники почти не праздновал. Слугам своим он строго-настрого запрещал выходить за ограду.

Мать приехала с одним намерением: взглянуть на дочь. Она и не надеялась на большее. Увидев похудевшее и побледневшее лицо девочки, ее руки и ноги, покрытые ссадинами и рубцами, она заплакала, запричитала: «Ах ты моя горемычная, несчастная», — и, вынув из-за пазухи небольшой кулек со сладостями, передала его дочери.

В это время во двор вышла младшая жена князя. Увидев их, она разразилась грубой бранью, схватила девочку и пнула ногой с такой силой, что та упала.

— Эй ты, нищая, чего пристала к ребенку? — повернулась она к матери. — А ну-ка уходи отсюда! Чего ты здесь шатаешься, заразу всякую разносишь! Чья ты мать? Чего надо? Эй, стражник, гони ее!

Высокая ограда княжеского двора легла между матерью и дочерью. Мать еще долго ходила около этой стены, и в ее ушах стоял крик и плач девочки.

* * *

Шли годы...

Трое молодых людей: Пурвэ — приближенный князя, Сэрдорж — сын бедного дворянина и Даргия — начинающий борец — собрались как-то вечером в доме у Сэрдоржа. Разговор шел на самые разные темы. Вдруг Даргия сказал: «Чимгэ будет самой красивой девушкой в округе. Через несколько лет я женюсь на ней».

— Нет, как старший среди вас, я говорю: «Я возьму ее в жены», — неожиданно возразил Пурвэ. Воцарилась тишина. Даргия и Сэрдорж задумались. Ведь они были близкими друзьями Пурвэ, поступали всегда так, как он им советовал. Недавно их считали его «тенью».

После небольшой паузы Сэрдорж произнес: «Князь Цэрэн боится только Пурвэ. Видимо, только ему он отдаст одного из своих «волчат».

Молчаливый Пурвэ глубоко вздохнул и, словно увидев перед собой умные и красивые глаза Чимгэ, сказал: «Бедняжка, доживет ли она до тех пор, пока станет моей женой!»

³ Майдар — летний религиозный праздник.

По роду своей службы Пурвэ часто бывал в разъездах. Те, кто знали его, удивлялись, как он находит общий язык с князем. Это были резко противоположные натуры, которые отличались друг от друга, как огонь и вода. Князь Цэрэн был человек худощавый, с продолговатым и белым лицом, с мелкой и быстрой походкой, очень злой и жестокий. Пурвэ был широк в плечах, плотный, почти квадратный. У него было темное, грубое лицо. Ходил он медленно, делая большие шаги. По характеру он был человек мягкий и очень спокойный. Пурвэ свободно читал и писал по-монгольски, неплохо разбирался и в маньчжурской письменности. Поэтому его все считали ученым человеком.

Для многих было непонятно и то, почему Пурвэ до сих пор не женат. Говорили разное. Одни считали, что он не женится, потому что не может подобрать себе ровню: ведь он был ученым и, кроме того, имел титул. Другие говорили, что он никак не найдет невесту с хорошим приданым. Шла даже молва, что он влюбился в жену какого-то князя и поэтому не женится. Но никто не знал, что он не женится потому, что дал клятву жениться на Чимгэ.

* * *

Чимгэ исполнилось четырнадцать лет. Однажды, занимаясь уборкой, она нечаянно разбила тонкую фарфоровую чашку. «За разбитый фарфор — разбитая голова», — частенько говаривал князь. И это была не пустая угроза. Он избил девочку до полусмерти. Прошло много дней, прежде чем Чимгэ стала вставать. Но совсем оправиться она не могла: у нее были перебиты мышцы ног. Ноги перестали расти и были сведены в коленях. Чимгэ с трудом могла ходить. Чего не передумала бедная девочка! «Зачем я осталась жить и не умерла сразу? Для того чтобы убирать за своими хозяевами, переносить побои до тех пор, пока не устанут их руки?» Порой ее охватывала безысходная тоска.

Но жизнь есть жизнь. День за днем она несет людям новое, неиспытанное и неизвестное. Ведь человек рождается для того, чтобы жить. Несмотря на всю тяжесть и мучительность положения, в котором оказалась Чимгэ, все-таки было в жизни что-то, что могло поддержать ее дух и волю к жизни: воспоминания о матери, отце, брате, ее родной край, любовь к Пурвэ.

Чем больше подрастают и крепнут служанки, тем тяжелее становится кулак хозяина, тем беспросветнее становится их жизнь. Но крепнут, каменеют и их сердца, их воля. И хотя случаются моменты, когда весь мир кажется им опостылевшим и ненужным, все же воля к жизни одерживает верх.

В те редкие дни, когда Пурвэ оставался дома, никуда не выезжая, он всячески старался защитить Чимгэ от побоев, угощал сладостями.

Ее любовь к нему крепла и росла. Бедная девочка! Зачем ты лелеешь пустую надежду? Зачем поддаешься любви? Ведь любовь только усилит твои и без того тяжелые мучения и страдания! Но так лишь казалось. Любовь для Чимгэ была не страданием, а радостью. Она переполняла ее грудь, жизнь становилась светлее.

Пурвэ ничего не знал о ее любви. Он думал, что она хорошо относится к нему в благодарность за защиту и покровительство.

* * *

Чимгэ исполнилось восемнадцать. В то лето Пурвэ ездил в Пекин. Вернувшись из поездки, он прямо с дороги направился к князю. Он спешил к главному входу, передал коня своим спутникам, оправил одежду и степенно вошел во двор.

Заметив Чимгэ, вышедшую из помещения для прислуги, он улыбнулся и поклонился ей. Никто, кроме Пурвэ, не здоровался так ласково со служанками. Эта едва заметная улыбка была для Чимгэ большой радостью. Все вокруг как будто посветлело, словно небо, очистившись от туч, озарилось яркими лучами восходящего солнца.

...А через несколько дней после приезда Пурвэ случилась беда. Загорелась восьмистенная княжеская юрта. Князь в это время был у младшей жены. Узнав о пожаре, он рассвирепел: в горящей юрте остались долговые книги, денежные документы, шкатулка из золота и серебра и другие ценности. «Ах эти подлые слуги! Все-таки осмелились поджечь!»

О пожаре узнали слишком поздно, поэтому огонь распространился быстро, и его языки уже выглядывали из трубы. Князь искал выхода своей злобе. Он крикнул трех служанок — Чимгэ, Дулму и Хандху: «Ступайте в мою юрту и вынесите оттуда серебряную шкатулку и ковер! А ну быстро!» С помощью дюжего парня-слуги он втолкнул трех девушек в огонь. В это время подъехал Пурвэ.

— Как можно, князь! Ведь они же сгорят! — крикнул он и бросился к юрте.

— Ты что, взбесился? — повернулся к нему князь. — Куда ты лезешь?

Пурвэ уже открыл дверь, но тут верхняя часть юрты стала оседать. Внутри бушевало пламя. Девушки не подавали даже голоса. Помочь им уже никто не мог. Сбежавшиеся отовсюду люди молча бродили вокруг огромного костра. Вдруг один из них споткнулся обо что-то. На земле лежала Чимгэ. Трудно было сразу сказать, жива она или нет. Ее подняли и на руках отнесли в помещение для слуг. Пурвэ тут же вызвал врача.

На другое утро увезли обгоревшие трупы двух девушек. Удивительно, как Чимгэ удалось спастись. Ведь она была калека, значительно слабее погибших подруг. С тех пор князь стал звать ее колдуньей.

Чимгэ уцелела чудом. Когда верхняя часть юрты стала оседать, одна из стен слегка поднялась. Чимгэ успела подsunуть под нее что-то попавшееся под руку и проползла в образовавшееся отверстие, а потом сразу потеряла сознание и не смогла позвать за собой тех двух девушек. «Если бы мы держались вместе, то спаслись бы все», — с болью в душе рассказывала Чимгэ.

Так Чимгэ второй раз ушла от смерти.

* * *

Чимгэ никогда не говорила Пурвэ о своей любви. Но это большое чувство придавало ей силу, укрепляло волю к жизни. Говорят, что когда Пурвэ выходил из юрты, чтобы постоять на свежем воздухе, она незаметно для него подкрадывалась сзади и гладила его тень.

...Стояла светлая лунная ночь. Пурвэ не находил себе места. Тоска и боль переполняли его душу. Он вывел из конюшни быстрого, горячего коня, вскочил в седло и помчался во весь дух, сам не зная куда. Остановился, постоял немного и медленно поехал по тихой ночной степи. Его темное, огрубевшее лицо прорезали глубокие морщины. «Бедная девочка, как она только выносит все это! — с жалостью думал он о Чимгэ. — Да, в трудные времена мы живем. Даже лучшие из мужчин не могут добиться поставленной цели...» Он чувствовал за собой большую вину, потому что не сдержал клятву, не уберег девушку от бесчисленных побоев. «Я совершил перед ней неискупимый грех», — мучился он.

Жизнь в доме князя продолжалась своим чередом.

Чимгэ вставала рано утром, кипятила воду, прибиралась, готовила пищу и подавала на стол в строго установленном порядке. При малейшем нарушении этого порядка младшая жена князя ни слова не говоря била ее по голове сложенным веером. И это было еще хорошо. Хуже, когда вмешивался князь, который обычно предпочитал щипать ее щипцами для выдергивания бороды. Затем младшая жена князя обычно заставляла ее гонять мух. Затем она часами должна была стоять, держа в руках худж⁴. Не дай бог при этом задремать — изобьют. Но сколько бы ни били, сколько бы ни мучили Чимгэ, она никогда не плакала и не кричала. Только молча сжимала зубы.

* * *

Снова наступило лето. Это было двадцать четвертое лето ее жизни у князя. Кругом стали погоже, варивать, что господской власти приходит конец, что у князей отбираются особые права и привилегии. Князь собирался уезжать. Чимгэ вместе с другими слугами также должна была ехать с ним.

⁴ Худж — ароматический состав. Изготавливается в виде шнура, который, тлея, издает аромат.

Пурвэ сообщил об этом ее брату и попытался уговорить князя оставить ее на родине.

— Зачем брать с собой Чимгэ! — убеждал он его. — Какой от нее толк! К тому же ее можно будет вызвать и потом.

Князь подумал немного и согласился. Позвав к себе Чимгэ, он впервые подал ей руку и преподнес в виде платы за двадцать четыре года службы хадаг⁵ и коробку печенья.

— Двадцать с лишним лет я кормил тебя сытно. Надеюсь, что, оставшись без меня, ты сама сумеешь себя прокормить, — сказал он.

То лето, которое было двадцать четыре года назад, открыло перед Чимгэ путь страданий. Но вот пришло другое, новое лето. Страдания кончились, открылась дорога счастья.

Бедная Чимгэ! Поздно пришло к ней освобождение.

С отсохшими ногами, почти не в силах ходить, жила она, напоминая птицу с оторванными крыльями. Но вокруг были люди, начиналась новая жизнь, и радостно билось ее сердце в измученном, изуродованном теле.

* * *

Сейчас Чимгэ исполнилось семьдесят лет. На ее теле почти нет места, где бы не было рубцов и шрамов. Ростом она с одиннадцати-двенадцатилетнюю девочку.

Самый расцвет жизни — молодость — она провела в четырех стенах княжеского двора. Она так и не увидела своих родителей. Не сбылась мечта ее матери, которая с плачем говорила: «Хоть один разок взять бы за руку родную доченьку, поцеловать ее... После этого можно было бы и умереть».

«Если бы сейчас, при народной власти, я получила такое же увечье от болезни, то все равно я имела бы широкие возможности и учиться и работать с пользой. Да, не повезло мне, поторопилась я родиться», — иногда думает Чимгэ.

Сейчас Чимгэ живет у своего брата Шагдарсуэрэна. Она окружена заботой и уважением людей. Никто не смеет унижать и оскорблять ее — не такие теперь времена.

Чимгэ могла бы с гордостью сказать о себе: «Я человек с закаленной волей. Мой дух не был сломлен физическими страданиями». Но она говорит проще: «Много мук и испытаний мне пришлось перенести. Пусть молодежь об этом помнит».

Стоит теплый весенний день. Собравшиеся во дворе ребяташки весело шумят. Чимгэ смотрит на них и о чем-то думает. На ее губах играет улыбка.

Перевел с монгольского
Владимир Ткачев

⁵ Хадаг — кусок узкой шелковой ткани, которая складывается вдвое и преподносится в знак расположения и почтения.